

Людмила Михайловна Куликова

Свиделись

Интересный рассказ по теме ДОМ - семья - родители и взрослые дети. Проблема одинокой старости, чёрствости взрослых детей, культ денег и материального благополучия

В новой квартире пахло влажными обоями. Запах был приятен. Он связывался с уверенностью в завтрашнем дне, надёжностью и чувством владения семьюдесятью квадратными метрами жилой площади. Впервые за долгие годы скитания по съёмным квартирам отпустил Толика подспудный страх быть выселенным по прихоти хозяев. Даже многодневная нервогрёпка при подготовке к переезду не смогла испортить ему приподнятого настроения. С обретением квартиры показалось Толику, что он застолбил место на земном шаре и теперь никогда не умрёт.

По случаю новоселья Анюта испекла рыбный пирог с яйцом и зелёным лучком. Поставила его на середину стола, за которым собралась семья Титовых: отец, мать да четверо ребятишек. Анюта раскраснелась, хозяйничая; разливала чай, нарезала куски, шутила с детьми. Дети звенели ложками о чашки, размешивая сахар, и с нетерпением поглядывали на поблескивающий коричневой коркой рыбник. Толик смотрел на семью и был счастлив. «Как в детстве у мамы», - неожиданно подумал он и почувствовал, как только что переживаемое счастье затуманилось и потеряло лоск, будто червячок поселился в совершенном яблоке. Начал вспоминать, когда последний раз писал матери. Кажется, в год рождения первенца. Сейчас Алёшке тринадцать. Виделся с матерью сразу после армии, потом уехал за тридевять земель на стройку. С их последнего свидания прошло двадцать четыре года.

- Налетай! – задорно призвала Анюта, села на стул и отхлебнула несколько глотков чая. Сынишки зачавкали, озорно переглядываясь и перемигиваясь, захлюпали ртами, втягивая горячий янтарный напиток, и заёрзали на стульях. Оживление за столом немного расслабило Толика, он с благодарностью принял у жены большой кусок пирога и стал неспеша есть.

- Анют, а где синяя папка с письмами?

- Я ещё три картонных коробки не разобрала. Наверное, в одной из них. -
Найди мне её.

- Срочно надо или подождёшь?

- Срочно.

Ребятишки уминали по второму куску, Анюта подливала в чашки, улыбкой откликаясь на весёлый детский гомон. Титовы дружно доели и допили. Первая трапеза в новой квартире оказалась невероятно вкусной и укрепила ощущение счастья.

Спустя час сидел Толик за кухонным столом и просматривал содержимое папки. В ней хранились несколько писем от сослуживцев, штук двадцать армейских фотографий и весточка от мамы. Когда он уходил в армию,

матери исполнилось пятьдесят. Она писала ему длинные послания, перечисляя деревенские новости и какие-то мировые сенсации, шутила по-простому, по-бабьему и неизменно заканчивала своим обычным: «Сыночку Толеньке от мамы Оленьки». Молодого солдата раздражали эти письма, он их прочитывал бегло, рвал на мелкие куски и выбрасывал в урну. Интересней читать письма от девчонок, которые сотнями доставляла армейская почта на имя «самого красивого» или «самого весёлого» солдата. Толик пожалел сейчас о тех уничтоженных письмах. Сердце будто в размерах уменьшилось – до чего неприятное чувство сжало его. Он взял в руки единственное сохранённое письмо матери, оставшееся с давних времён. Развернул. «Здравствуй, дорогой сынок Толик. Дошла до меня весть, что твой отец, от которого ты родился, помер. Уж и не помнишь его, поди. Малой ты был, когда он нас оставил. Так папаня твой и не удосужился сынка увидеть, а ведь ты ему кровный. И я тебя уж столько лет не вижу. Не знаю, свидИмся ли ещё». А внизу добавлено: «Сыну Толе от мамы Оли». Присказку поменяла, - отметил про себя Титов.

- Анют, отпустишь меня? Мать надо навестить.

- Как не вовремя! Столько работы в квартире и денег на поездку нет – всё переезд сожрал.

- Что, совсем нет?

- Нет. Я зарплату получу через две недели, твои отпускные на ремонт квартиры ушли, получка у тебя только через месяц. Едва на еду до моей зарплаты хватит.

- Значит, у Симоновых надо в долг брать.

- Что ж так приспичило? Столько лет словом не вспоминал и вдруг

– «поеду»! А мне одной с четырьмя бойцами по детсадам-школам мотаться и на работу успевать бегать.

- Чувство у меня нехорошее, Анют. Отпусти! С детьми попрошу Любу Симонову пособить. Если уж брать в долг, то – по полной. А, Анют?

- Да езжай уж, горемыка! – Анюта обняла мужа, прижалась щекой к его щеке, постояла так немного и пошла в комнаты, тешась мыслями об улучшении семейного быта.

Дорога заняла три тягучих дня. Толику странно было думать, что он едет домой, к маме. Столько лет не был в этих краях! Добирался сначала поездом, потом автобусом, на попутке и пешком. Он преодолевал последние сотни метров, ведущие к родной избе. Шёл странной походкой - на ватных ногах, часто вздыхал полной грудью, пытаясь уменьшить волнение, и внимательно смотрел окрест. Деревня изменилась. Обветшали и вросли в землю избы. Все постройки были одного цвета - серого. Кое-где ровными грядками зеленели огороды, но в основном – запустенье, безрадостное, вымороченное отчаяньем. С трудом узнал родительский двор, подошёл к выгнутому дугой

штaketнику, толкнул калитку, сделал несколько шагов и остановился посреди небольшого подворья. Огляделся, вздохнул ещё раз, прошагал к избе и ступил на порог. Дверь оказалась незапертой. Пересёк сени, торкнул ещё одну дверь и вошёл в сумрак горницы.

- Есть кто живой? – спросил тихо.

- А как же! Я живая, – раздался голос из чёрнеющего угла.

Глаза Толика скоро привыкли к темноте, и он различил фигуру старушки, примостившуюся на краю кровати.

Толик опустил рюкзак на пол и присел на скамью.

- Из собеса будете? – спросила мать.

- Нет.

- Летом привезли чурки и уж месяц, поди, жду, когда кого-нибудь пришлют дров наколоть и в сени перенести. В прошлом году зима была суровая, еле дотянула, думала, заиндЕвею в ледяной избе. Эту зиму ожидаем слабую, но без дров и мягкая зима жёстко постелит.

- Давайте я вам дров наколю! – вскочил Толик, неожиданно для себя назвав мать на «вы».

- Сиди. Успеется. Чай, по другому делу пришёл. Чует моё сердце, что снова про пенсию новость плохую принёс. Мародёрствуют начальники. Зачем у бабки последнее отбирать? Ить той пенсии с гулькин нос.

- А на что вы живёте?

- Из собеса шефствуют надо мной. Раз в неделю приезжают, хлеба и молока привозят. А когда и крупы с маргарином. Мало, конечно. Да я экономная, тяну до следующего раза.

- А чем вы занимаетесь?

- Что?

- Что делаете?

- Сижу.

- Нет, я не про то, что вы сейчас делаете. Я про то, чем вы каждый день занимаетесь?

- Сижу. Что ещё делать? А ты по какому делу, мил человек?

На чьём-то дворе залаяла собака, кудахтнула курица, а с неба донёсся гул летящего над облаками самолёта.

- Сын я ваш, Ольга Герасимовна.

- Сы-ы-ын? – недоверчиво протянула старушка, - Нету у меня сына. Пропал он.

- Как пропал?! Вот он я! Неужто не узнаете? Посмотрите внимательно.

- А мне теперь смотри–не смотри – всё одно. Слепла я.

- Как – ослепли?!

- А вот так. Не вижу ничего. В темноте живу. Уж приносовилась да и экономия опять же – электричество не трачу. Другие копеечку за свет отдают, а у меня копеечек нету. Правильно Господь рассудил: чем государству за электричество задалживать, лучше пусть бабка ослепнет.

- Я выйду на минутку?

- А чего ж, выходи.

Серо, неприглядно и бесприютно выглядело подворье. Подул ветер и охолодил слёзы на щеках взрослого сына. Завыл бы мужик, да постеснялся чувства оголить. Скрипнул зубами, вытер слёзы рукавом, высморкался в сторону и пошёл к сараю. Там увидел гору берёзовых чурок. В сарае отыскал топор, выбрал чурку покрупнее и начал колоть на ней дрова.

С работой Толик справился к вечеру. Дрова ровнёхонько уложил по обе стороны просторных сеней, взял несколько поленьев и затопил печь.

- А кто вам печь растапливает? – так и не решаясь назвать старушку мамой, поинтересовался Толик.

- Сама. У меня на пальцах за столько лет короста от ожогов образовалась, так что если суну руку в пламя, то уже не больно.

Разогрели еду в кастрюльке, на раскалённые круги печной плиты поставили чайник. Ольга Герасимовна стояла у стола и накладывала в тарелки кашу. Толик окинул взглядом её фигуру и поразился изменениям. Худенькая, седая, беззубая старая женщина небольшого росточка с невидящими глазами, улыбающимся лицом и обожжёнными пальцами была его мамой. Он спинным мозгом ощутил течение времени, а взглядом успел уловить, как начинают блекнуть очертания фигуры матери, истекая в небытие. Толик мотнул головой, прогоняя видение, и спросил: - Я переночую у вас?

- А чего ж, ночуй.

После ужина отправился Толик в боковую комнатёнку на старый диван. Лампу не стал зажигать, нашарил в потёмках одеяло, лёг не раздеваясь, укрылся по самый подбородок и крепко задумался. Не затем он сюда приехал, чтоб каши отведать. Рассказать бы ей про все его заботы, про то, как гробился на тяжёлых работах - себя не жалел, чтоб лишнюю копейку иметь. Как прежде, чем жениться, денег поднакопил на шикарную свадьбу и на машину – завидным женихом был. Пахал по две-три смены, хватало и на оплату съёмных квартир, и на шубу молодой жене и на кооператив откладывал. На море семью возил и не раз. Четверых сыновей родил, и у каждого – своя сберкнижка на образование. Квартиру купил, наконец. Большую, просторную. Не просто так всё далось, ох не просто! Толик долго ворочался с боку на бок, вздыхал, кашлял, потом поднялся рывком и пошёл

наощупь в горницу. На фоне светлеющего окошка увидел чёрный силуэт матери, сидящей в своей извечной позе на краю кровати.

- Не спите?

- Не сплю.

Он набрал воздух в лёгкие, чтоб одним махом выложить матери историю своей трудной жизни, как вдруг услышал:

- Я ить не знаю, кто ты такой. Помирать не боюсь, смерти каждый день жду. Господь не торопится меня забирать, и ты Его не торопи.

- Зря вы так. Ничего плохого я вам не сделаю... Как мне доказать, что я ваш сын?

- Зачем доказывать? Сыновья – они о родителях пекутся, так же, как родители о них когда-то пеклись. Я своего до самой армии пестовала. В девятнадцать призвали его. Пока был в армии, письма писала, думами была с ним. А после армии приехал на два дня, с тех пор его не видела. Знаю, что сынок у него родился.

- Теперь уже четверо.

- Воон как! А ты откуда знаешь?

- Ольга Герасимовна, я, я – сын ваш. Помните, когда мне пять лет исполнилось, вы щенка подарили? Я его вечером с собой в постель брал, а вы ругались.

- Нет, не помню.

- А вот шрам на локте. Потрогайте! Вы обед готовили, а я под руками вертелся и нечаянно прислонился к раскалённой кочерге. Вы мне несколько дней маслом подсолнечным ожог смазывали.

- Не помню.

- А друга моего Ваську Петренко помните? Он тоже безотцовщиной был. С матерью его, правда, вы не ладили.

- Не помню, мил человек.

- Да как же так! Я и лицом на вас похож. Я – сын ваш, а вы – мать моя.

У старушки дрогнули веки. Толик не видел этого - темнота надёжно скрывала выражение лица матери.

- Однажды я влюбился. Мне было четырнадцать, а ей двенадцать. Я привёл «невесту» домой и сказал, что теперь она будет жить с нами. Вы прогнали «невесту» и отлупили меня. Помните?... Неужели ничего не помните? Как же так – забыть такое!... Я заберу вас к себе.

- Нет, мил человек, мне здесь привычнее. Я хоть и слепа, но каждый уголок знаю, каждую стеночку. Ты иди спать, не тревожься. Утром поедешь.

Толик проснулся с больной головой. Не думал, что так повидается с матерью. Ожидал чуть ли не праздничной суеты, слёз радости, ахов и охов. А оно, вишь, как получилось. Не признала мать сына своего. Ехал сюда с тяжёлым сердцем, а уезжает с глыбой на душе. Что-то подсказывало ему, повиниться надо перед матерью, но не чувствовал сын вины своей перед нею, значит, и каяться было не в чем. От чая, предложенного матерью, отказался. Закинул рюкзак на плечо, подошёл к ней, не решаясь обнять на прощанье. Всмотривался в морщинистое лицо и чувствовал, как слёзы наворачиваются на глаза.

- Поехал я.

- Доброго пути.

Ступил на подворье, оглянулся. В окне увидел мать. Лицо её казалось печальным. Отворил калитку и зашагал широким шагом по улице в сторону околицы. Чем дальше уходил от деревни, тем легче становилось. Чикнул воображаемым ножом, отрезал широкий ломоть жизненного хлеба, бросил его на дорогу и сразу же успокоился. «У каждого своя судьба. А мне семью поднимать надо», - сказал сам себе Толик и зашагал ещё быстрее, мысленно отправляясь туда, где был его дом, жена и дети. Ольга Герасимовна долго сидела на своём посту у окна. Ни разу не шелохнулась. Наконец, произнесла:

- Вот и свиделись, сынок. Успел таки.

21 ноября 2007, Фризойтэ, Германия